Пионеры-герои

Ж. БРАУН

Юта БОНДАРОВСКАЯ

Настало лето. Кончились занятия в школе, а Ютиной маме всё не давали на работе отпуск.

Все Ютины подруги давно разъехались: кто в пионерский лагерь, а кто с родителями на дачу. Двор опустел, и Юте казалось, что она одна все летние каникулы проведёт в душном и жарком городе.

Но однажды мама получила письмо от тёти

Ю. Бондаровская

Вари, двоюродной сестры, из-под Пскова.

— Варя просит, чтобы я привезла тебя к ней в деревню на всё лето. Пишет, что Павел Иванович, учитель, организовал для ребят разные кружки и тебе не будет скучно,— грустно сказала мама, прочитав письмо, и вздохнула,— а я не могу оставить работу даже на один день.

— Мамочка, а если я поеду одна? Ты меня посадишь, а тётя Варя встретит... Ведь я уже большая...

— Одна?! — мама испуганно посмотрела на Юту.— Нет, нет...

— Ну, мама, ничего со мной не случится, вот посмотришь! Я тебя очень прошу. Ты же сама говорила, что на меня можно надеяться. Ведь говорила, правда же?!

— Говорила,— мама улыбнулась, потом снова вздохнула и задумчиво прошлась по комнате. Юта тревожно смотрела на маму и ждала.

— Ну, хорошо,— наконец сказала мама,— я подумаю.

— Ой! Спасибо, мама! — обрадовалась Юта.

Если мама говорит «я подумаю», значит, скорее всего, согласится. А как это будет здорово! На целое лето в деревню! И Юта поедет одна, как взрослая!

Всю неделю, пока длились сборы в дорогу, Юта всё-таки боялась, что мама передумает и не отпустит её одну. И только тогда, когда поезд тронулся и за окном в последний раз мелькнуло взволнованное лицо матери, Юта окончательно успокоилась.

Наконец-то и для неё началось настоящее лето!

★

Но лета в этом году не стало. Не стало вдруг. Июньской прозрачной ночью.

Война заслонила солнце от людей чёрными крестами самолётов.

Война грязным дымом пожарищ закоптила небо. Юта видела по ночам, как горело и рвалось оно в той стороне, где был Ленинград, где осталась мама...

Видела, как шли и шли через их деревню беженцы. Горбатые от узлов с пожитками. Видела, как молча уходили на войну мужчины. Слышала, как плакали женщины, провожая на войну мужей, отцов, сыновей.

И сердце её сжималось от горя и ненависти.

Павел Иванович сидел за своей избой на бревне и чинил сапоги. Изба стояла на высоком кустистом взгорье возле реки, и отсюда учителю была хорошо видна вся деревня. Чёрный обгорелый сруб на том месте, где ещё недавно стояла новенькая двухэтажная школа. Бревенчатые глухие дома вдоль дороги. В домах теперь даже днём не открывали ставни. Колхозный клуб.

Возле крыльца колхозного клуба днём и ночью стояли немецкие часовые.

Юта перелезла через забор и села рядом с учителем. Тоненькая, грустная и неприкаянная.

— Дядя Павел, правду говорят, что немцы Ленинград окружили?

— Правду.

— И возьмут?! — испугалась Юта.

Павел Иванович достал из железной коробки горстку гвоздей и быстрыми ударами молотка начал вгонять их в подмётку.

— Но там же моя мама! — снова сказала Юта.— Мама моя там, а я здесь и... и...— голос у Юты задрожал. Она закрыла ладонями лицо и всхлипнула.

— Ну, подумай сама, разве им Ленинград взять? — Павел Иванович надел сапог и притопнул ногой.— Ни за что не взять — кишка тонка!

Он выпрямился и посмотрел через забор на улицу. Там на телеграфном

столбе висело объявление, написанное от руки. Немцы обещали пять тысяч марок тому, кто выдаст им какого-то старика.

— Кишка тонка,— повторил учитель и засмеялся. Беззвучно и зло. Вот так же вчера смеялись тётя Варя и соседский дед Иван, когда на станции раздался взрыв.

Юта перестала плакать.

— Дядя Павел, правду говорят, что у нас в лесу партизаны есть? Говорят, они вчера целый поезд с танками подорвали.

Павел Иванович снова присел на бревно. Достал кисет.

— Может, и верно говорят, а может, и нет,— сказал он не сразу,— чего не знаю, того не знаю. Всё может быть.

— Эх, уйти бы к партизанам! — Юта вздохнула. Потом повернулась к учителю и сказала горячо и горько: — Ведь я же пионерка! Я же клятву давала! Вот, смотрите,— Юта вытащила из кармана

кончик красного пионерского галстука.— Он всегда со мной. Что делать, дядя Павел?

— Расти, Ютик, расти — твоё самое главное дело,— серьёзно сказал учитель. Он посмотрел на тот край деревни, где стояли гитлеровские солдаты, и добавил раздумчиво: — Партизаны есть ли, нет, не знаю, а вот галстук свой спрячь подальше... пока.

Юта вскочила.

— Эх, вы... Я-то думала... расти, расти... Как же можно расти, когда кругом одни фашисты?! Не верите вы мне, вот что!

Павел Иванович поднялся. Стиснул плечо Юты железными пальцами.

— Не дело кричать о таких вещах на всю улицу. Большая. Поняла, ленинградка? Беги!..

Учитель ушёл в избу, и Юте показалось, что она осталась одна на всём свете. Никому ненужная.

★

Юта сидела на полузатопленной лодке в камышах. На своём любимом месте. Смотрела, как дрожат звёзды в холодной воде и думала. А когда долго смотришь на воду, мысли становятся лёгкими.

«Убегу,— решила Юта,— убегу в лес к партизанам. Пусть дядя Павел ничего не знает, я сама их найду. Вот возьму сейчас и убегу. Ночью даже лучше, немцы давно спят, и никто не увидит. Буду подрывать немецкие поезда. Один за другим. Один за другим. Никто из фашистов к Ленинграду не подойдёт. А потом пойду в разведку, проберусь в Ленинград и спасу маму...»

Юта сидела и думала долго. Может быть, целый час. И даже вздремнула немного. Так ей хорошо мечталось про партизанскую жизнь.

— Ты кто?

Юта вздрогнула. Чуть не упала с лодки в воду. Прямо перед ней стоял

в камышах Николай Сахаров. Чубатый колхозный гармонист. Говорили, что он в лесу у партизан.

— Юта...

— А-а, ленинградская,— уважительно сказал Сахаров. Он подошёл ближе и присел рядом с Ютой на лодку,— послушай, ленинградская, я знаю, тебе можно верить.

— Откуда вы знаете? — недоверчиво спросила Юта.

— Земля слухом полнится,— загадочно ответил Николай и прищурился,— люди говорят... а может, они перепутали что? Тогда я пойду...

— Нет, нет, не уходите, пожалуйста,— горячо сказала Юта,— люди ничего не перепутали!

В стороне хрустнула ветка. Словно кто-то громко разгрыз сухарь. Юта испуганно схватила Николая за руку.

— Ничего,— успокоительно сказал Сахаров. Он приподнялся и протяжно квакнул. Казалось, мокрая зелёная ля-

гушка сонно пропела в камышах.— Так вот какое дело. Нужно срочно передать Павлу Ивановичу записку, и чтоб ни одна душа, поняла?

— Дяде Павлу? — удивилась Юта.— Так он же...

Николай усмехнулся.

— Завтра жду тебя с ответом. Здесь.— Гармонист наклонился к Юте и негромко сказал: — Юный пионер, к борьбе за рабочее дело будь готов!

Рука Юты взметнулась в салюте.

— Всегда готова!

Сердце её забилось тревожно и радостно.

А дядя-то Павел... Вот тебе и ничего не знаю!

На крыльце колхозного клуба стоял немецкий майор. В чёрном мундире. Грудь у майора бочонком. На бочонке железный крест и ещё какие-то награды. В глянец лакированных сапог опрокинулось небо.

Рядом с майором стоял переводчик и тусклым голосом читал приказ. Казалось, слова переводчика отскакивали от толпы, будто камешки от стены. Лица у людей в толпе, словно печные заслонки, безглазые. Люди смотрели себе под ноги.

— Все, кто прячет партизан, будут расстреляны!

«Дудки,— думала Юта,— так тебе партизаны и дадутся в руки».

Павел Иванович стоял недалеко от Юты, и на лице у него было удивление. Какие партизаны? Откуда они здесь взялись?

Немцы в деревне благожелательно смотрели на старого учителя. Он всегда был рядом с ними, готовый услужить. Писал для них объявления... Им и в голову не приходило, что каждый раз, когда Юта относила куда надо его записку,— летели под откос вражеские поезда, словно сами собой подрывались на дорогах машины с фашистами.

Наконец переводчик кончил читать. Юта вопросительно взглянула на учителя. Встретив её взгляд, Павел Иванович удивился:

— Ютик, здравствуй! Давно я тебя не видел. Растёшь?

«Всё в порядке,— обрадовалась Юта,— значит, задание не отменяется и Маша ждёт меня у перелеска».

Косой дождик пролился неожиданно и быстро. Серая пыль на дороге примялась, потемнела.

Юта вышла из дома с плетёной корзинкой в руке. Совсем как до войны. За грибами. Она шагала по середине улицы и ловила ртом дождевые капли. Немцы, скучая, смотрели на неё из окон. Юта примелькалась им. Ясно, опять собирает по деревне куски хлеба. Вон сколько белёсых горбушек навалено в корзинке. А Юта совсем осмелела. Подошла к самому дому, где жили немцы, и крикнула:

— Господин немец, дай хлеба!

Толстый немец обрадовался развлечению. Распахнул окно, улыбнулся погано.

— Пошёль, пошёль, побирайка!

Юта скорчила жалобную гримасу и побрела прочь.

У перелеска её встретила Маша. Платьице рвань. Битые очки на близоруких глазах. Плащ. Под плащом пистолет.

До войны Маша жила в деревне, а теперь приходила сюда изредка. Тайком. С важными заданиями. Юта завидовала Маше. Передавать сведения, расклеивать листовки — одно, а вот воевать с настоящим пистолетом в руках — совсем другое дело.

— Молодец, Ютик, давай теперь я понесу, — сказала Маша. За стёклами очков глаза её казались большими и беспомощными.

Юта передала Маше корзинку и начала растирать побелевшие пальцы. Корзинка была тяжёлая.

Им нужно было пройти километра три до леса. Там их ждали партизаны. Юта и Маша шли быстро и молча. Корзинка оттягивала руки, и её приходилось нести по очереди, чтобы не терять времени.

Дождик прозеленил поле. В чашечках цветов и на траве сверкали дождинки. Кругом было тихо, и казалось, что нет никакой войны.

«Как хорошо было раньше,— думала Юта,— просто не верится, что такая жизнь снова настанет. Песни, книги, школа... и никто никого не будет убивать...»

— Маша, обязательно встретимся после войны, ладно? — сказала Юта и замерла с открытым ртом. Прямо на них из-за поворота дороги выехали на мотоциклах немцы. Увидев девушек, немцы притормозили.

— Кто есть такие? — спросил длинный офицер в кожанке.

— Нищенки мы,— быстро загово-

рила Маша, приседая и кланяясь,— вот хлебца насобирали по деревне.

Офицер брезгливо поморщился и нажал на педаль, чтобы ехать дальше по своим фашистским делам, но в это время из-за спины другого немца — солдата выглянуло сивобородое, скомканное лицо Митьки Сычёва. Пьяницы и вора.

— Никакая она не нищенка, ваше благородие! — закричал он.— Комсомолка она, наша деревенская! Вот ей-богу!

Сычёв спрыгнул на землю и выхватил у Маши корзинку. Из корзинки на траву упали похожие на мыло бруски тола.

— Партизанен! — взвизгнул офицер.

Маша неожиданно ударила Юту в спину, оттолкнула её от себя.

— А ну, пошла отсюда, проклятая! Прицепилась по дороге. Сирота, говорит. Из-за тебя попалась!

Юта остолбенела. За что Маша её так? И поняла — спасти хочет.

Немцы не заметили, как Юта исчезла в кустах. Они уцепились за Машу. А когда заметили — было поздно. На бегу Юта услышала два выстрела. Маше удалось выхватить пистолет...

Ночью Машу расстреляли.

И этой же ночью Юта вместе с Павлом Ивановичем ушла в лес. Пьяница Митька Сычёв запомнил Юту и мог каждую минуту её выдать, да и её встречи с Павлом Ивановичем намелькались в деревне.

Палатки, шалаши, землянки росли, будто грибы, под каждым деревом.

Юта стояла на полянке и удивлённо оглядывалась: люди шли и шли в партизаны.

— Что, ленинградская, много нас?

Из-за мохнатой ели вышел Николай Сахаров. В волнистом чубе застряли

сосновые иголки. На груди немецкий автомат.

Юта с завистью смотрела на автомат. Вот бы ей такой!

— Меня за тобой командир послал. Идём, идём, детский сад!

Николай добродушно подтолкнул Юту вперёд.

В командирской землянке людно. Лампа «летучая мышь» под потолком, словно маяк в синем тумане.

— Ютик! — грузный седой мужчина обнял Юту и усадил рядом с собой на берёзовый чурбак.— Скоро придёт самолёт и отправим тебя на Большую землю. Учиться будешь. Война — дело взрослых.

Командир говорил медленно. Слова его падали, будто камни на дно пруда. И от них кругами расходилась обида.

Юта сердито вырвалась из крепких рук командира.

— Значит, учиться поеду, да? Буду сидеть и ждать, пока другие для меня

хорошую жизнь завоюют? Не поеду! Не имеете права! Не только по вашей земле фашисты ходят! Это и моя земля!

Юта вытащила из кармана пионерский галстук, быстро повязала его поверх телогрейки. Алый шёлк светился под лампой и радужился.

— Не имеете права! — снова крикнула она.

— Вот это да! — партизаны засмеялись.

— Оставьте её с нами, товарищ командир! — попросили они.

Хмурое лицо командира засветилось улыбкой.

★

Мальчишка в рваной шапке, босиком, с нищенской сумой через плечо брёл по деревне. От дома к дому. Сума давно разбухла, но мальчишка всё шёл.

Возле немецкого штаба мальчишка задержался. Он подходил к каждому немцу и подолгу клянчил хлеб. Немцы

отмахивались от него, как от назойливой мухи.

К штабу подошла пьяная компания полицаев. Они громко спорили о чём-то. Храбрились друг перед другом и перед немцами.

Мальчишка сунулся к ним. Протянул руку и запищал тонким жалобным голосом:

— Дяденька полицай, подайте сироте хлебца-а-а-а!

Один из полицаев наклонился к мальчишке и увидел неожиданно синие чистые глаза. Мальчишка отшатнулся от него и побежал.

Полицай замер. Он словно пытался что-то вспомнить. Потом выхватил наган и бросился за мальчишкой. Этот полицай был... Сычёв.

Полицай выстрелил, но мальчишка петлял по улице, как заяц. Скоро он совсем скрылся за домами.

...Через полчаса, возбуждённо поблёскивая синими глазами, Юта докла-

дывала командиру группы, сколько пулемётов возле немецкого штаба и где они расположены.

— Блокаду прорвали! Блокаду прорвали! Ур-ра!

Юта забыла, что она партизанка, разведчица. Она прыгала на одной ноге, как первоклассница, и хлопала в ладоши.

Мороз щипал её за нос. Веселил. Румянил щёки. Колючие холодные снежинки лезли за воротник полушубка.

Партизаны окружили Юту. Кто-то уже успел разложить на снегу бездымный партизанский костёр.

Проскрипел снег. Качнулись толстые лапы ели, роняя снег. На поляну вышел командир и армейский полковник. Вот уже несколько дней партизаны соединились с Советской армией.

Командир постоял минуту, наблю-

дая, потом улыбнулся и шагнул в круг.

— Поздравляю, Ютик!

— Спасибо! — звонко крикнула Юта и спросила: — А правду говорят, что мы пойдём в тыл к фашистам помогать эстонским партизанам?

— Правду, — сказал командир. Улыбка сошла с его лица. — Но тебя я взять не могу. И не проси. На этот раз твёрдо. Поедешь в Ленинград к маме. Это приказ.

Павел Иванович подошёл к Юте. Поправил ей сбившуюся на затылок шапку. Заглянул в мокрые глаза.

— Ну, ну, Ютик, не плачь. Приказ командира — закон, — грустно проговорил он. — Надо его выполнять. На то ты и партизанка.

Юта сердито растёрла варежкой слёзы по щекам.

— Приказ? Пока по нашей земле ходит хоть один фашист, я не уйду и всё!

★

Партизаны уходили всё дальше и дальше. Ветер хлестал по лицам, забивал снежной пылью рот. Воздух замерзал на губах, обжигая лёгкие. Острые ледяные торосы резали обувь. Люди скользили, падали, поднимались с трудом. К ночи ветер будто сорвался с цепи. Казалось, весь отряд сейчас ляжет обессиленный на льду.

И вдруг, перекрывая вой ветра, над ледяным вьюжным полем взвился тоненький детский голос.

Ну, споёмте-ка, ребята-бята-бята, бята...

Голосок поборол метель, холод, усталость...

...И на солнце, как котята-тята-тята-тята,
Грелись этак, грелись так-так-так...

Командир оглянулся. Юта!

Хриплыми, простуженными голосами партизаны подхватили песню. Песня

крепла. Детский голос звенел над торосами. Звал вперёд. Подбадривал усталых. И люди шли. И уже никто не падал.

На вторые сутки отряд вышел к эстонскому берегу. Небольшой хутор слабо светился в тёмном лесу. Там была еда и тепло. Главное — тепло. Но за каждым кустом мог притаиться враг. Надо было обязательно выслать разведку. Но кого? Люди устали так, что не могли сделать и шагу.

Юта подползла к командиру.

— Схожу,— выдохнула она.

И командир сказал:

— Иди, ленинградка.

Немцев на хуторе не оказалось.

Партизаны выставили караул, завалились по избам замертво. И никто не заметил, как один из жителей хутора скрылся в темноте.

Юта спала крепко и даже во сне прижимала к себе автомат. Внезапно густую ночь разорвали выстрелы. Юта

вскочила, стала растирать глаза обмороженными пальцами. Руки не слушались.

Дверь в избу распахнулась.

— Немцы!!!

Сон слетел мгновенно. Юта бросилась следом за партизанами.

— Куда?! — крикнул командир.— Назад! Без тебя управимся!

Но разве могла Юта сидеть в избе, когда товарищи бьются насмерть? Сжимая автомат, она выбежала на улицу.

Соседняя изба горела. Яркое пламя полосовало чёрное небо, и в его отсветах хорошо были видны немцы.

— Ко мне! — закричал командир.— Партизаны!..— И швырнул гранату.

Партизаны пошли в атаку.

Раздался взрыв.

Вместе с ними шла Юта.

Неожиданно сзади застрочил немецкий пулемёт. Юта стремительно повернулась на выстрелы и почувствова-

ла, как что-то кольнуло её в грудь. Она пошатнулась и упала на снег.

— Юта, Ютик, ты ранена?

Лицо Павла Ивановича проплыло перед Ютиными глазами. Ослепительный оранжевый свет зажёг темноту, колыхнул лицо учителя и пропал.

Юта попыталась подняться. Она встала на колени, подняла автомат и снова упала. Головой вперёд. С автоматом в вытянутых руках.

В музее истории Ленинграда есть небольшая витрина. Ленинградские мальчишки и девчонки часто приходят сюда и подолгу смотрят на фотографию девочки в берете, с удивительно живыми синими глазами.

Девочка на фотографии улыбается. И ребята знают — она рада их приходу. Потому что такие, как Юта, не умирают.

Они живут с нами.
Вечно.
И ребята приносят ей цветы.
— Здравствуй, Юта!

СТРАНИЧКИ ДЛЯ КРАСНЫХ СЛЕДОПЫТОВ

Юта родилась 6 января 1928 года в деревне Залозы Псковской области.

★

Юта Бондаровская пала смертью храбрых в жестоком бою у эстонского хутора Ростов.

★

Мать Юты, Антонина Владимировна Бондаровская, вспоминает, что комиссар партизанского отряда Ф. А. Цветков, первый сообщивший о гибели дочери, сказал:

„Не плачь, мать, Юта не дёшево отдала свою жизнь, её надолго запомнят фашисты. Она погибла за Родину. О ней будут писать книги и слагать стихи... Гордись, мать!“

Юная партизанка награждена посмертно: медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

★

В дни празднования 20-летия победы над фашистской Германией Юта Бондаровская была награждена орденом Отечественной войны I степени.

★

Красные следопыты 158 и 193 школ Ленинграда прошли по следам 6-й партизанской бригады, в которой Юта Бондаровская была разведчицей. Они собрали большой материал, встретились с товарищами Юты по 4-му партизанскому отряду.

ЛИТЕРАТУРА О ЮТЕ БОНДАРОВСКОЙ

Мойжес А. и Богданова Д. Помни их имена (сборник). М., «Молодая гвардия», 1960.

Морозов Н. Юта. (повесть). М., Детгиз, 1963.

Орлята (сборник). Л., Детгиз, 1965.

Рассказы о ленинградских пионерах (сборник). Л., Детгиз, 1962.

Газета «Пионерская правда» от 21 января 1964 г.

3 коп.

Художник В. Гальдяев

Редактор О. С. Лебедев

Художественный редактор Г. Г. Коптелова

Технический редактор В. А. Голубева

Корректоры Н. С. Пьянкова и
С. С. Бланкштейн

Подписано к печати 22/VI-67 г. Тираж 100 000.
Бумага № 1 $60 \times 90^{1}/_{32}$. Печ. л. 1. Уч.-изд. л. 0,76.
Л72655. Изд. № 134. Заказ № 7272.
По оригиналам издательства «МАЛЫШ»
Комитета по печати при Совете
Министров РСФСР

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР
Москва, Ж-54, Валовая, 28

Московский комбинат игрушек Главного
управления промышленности по производству игрушек Министерства лёгкой
промышленности РСФСР Москва, А-130,
Б. Вокзальная ул., дом 38/2